

**Е В А
МЕРКАЧЕВА**

A photograph of a prison cell with a barred window looking out onto a bright sky.

**ТЕСАК,
ФУРГАЛ
И ДРУГИЕ**

**«СТРАННЫЕ» СМЕРТИ, ДЕЛА И БЫТ
В РОССИЙСКИХ ТЮРЬМАХ**

Ева Меркачёва

**Тесак, Фургал и другие.
«Странные» смерти, дела и
быт в российских тюрьмах**

«Книжный мир»

2021

УДК 343.82
ББК 67.409

Меркачёва Е. М.

Тесак, Фургал и другие. «Странные» смерти, дела и быт в
российских тюрьмах / Е. М. Меркачёва — «Книжный мир», 2021

ISBN 978-5-6045752-9-1

В своей новой книге журналист и правозащитник Ева Меркачева обращается к теме громких преступлений последних лет, многие из которых до сих пор на слуху. Но только в этой книге собраны подробности судебных перипетий и тюремных будней таких известных заключенных, как губернатор Фургал, националист Тесак, священник Сергей (Романов) и других VIP-персон, оказавшихся в российских тюрьмах. В то же время многие свои публикации автор посвящает проблемам «маленького» человека, попавшего в жернова правосудия либо за мелкое преступление, либо и вовсе по недоразумению или оговору. Осмысление сломанных судеб, оголенные нервы и беспристрастное состояние переплелись в творчестве Евы Меркачевой. И как не вспомнить тут пушкинские строки: И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал, Что в мой жестокий век восславил я свободу И милость к падшим призывал... В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 343.82

ББК 67.409

ISBN 978-5-6045752-9-1

© Меркачёва Е. М., 2021

© Книжный мир, 2021

Содержание

Слово эксперта	6
От автора	8
Глава 1	14
«Питерские кресты»	14
Мистика и ужасы питерских «Крестов»: что таит легендарная тюрьма	14
Захватчик «Крестов» Перепелкин	24
«Владимирский централ»	27
Каждый второй арестант – психопат: что происходит во «Владимирском централе»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ева Меркачева
Тесак, Фургал и другие. «Странные»
смерти, дела и быт в российских тюрьмах

© Меркачева Е.М., 2021

© Книжный мир, 2021

© ИП Лобанова О.В., 2021

Слово эксперта

«Я был ошеломлен глубиной и разнообразием жизни. Я увидел, как низко может пасть человек. И как высоко он способен парить. Впервые я понял, что такое свобода, жестокость, насилие. Я увидел свободу за решеткой. Жестокость, бессмысленную, как поэзия. Насилие, обыденное, как сырость.

Я увидел человека, полностью низведенного до животного состояния. Я увидел, чему он способен радоваться. И мне кажется, я прозрел.

...В этом мире я увидел людей с кошмарным прошлым, отталкивающим настоящим и трагическим будущим.

..Мир был ужасен. Но жизнь продолжалась. Более того, здесь сохранялись обычные жизненные пропорции. Соотношение добра и зла, горя и радости – оставалось неизменным».

Сергей Довлатов «Зона: записки надзирателя».

Ева Меркачева не первая, кто пишет про тюрьмы, кто поднимает тему преступления и наказания. Многие пытались разобраться и найти ответ на вопрос – почему вдруг человек совершает то, что подрывает основы общества? Почему его не пугает печальная перспектива оказаться в заключении?

Ева могла бы писать на множество других тем, но она выбрала эту, сложнейшую из всех. С первых дней работы в «Московском комсомольце» она стала проводить журналистские расследования. Некоторые них были верхом профессионального мастерства (за что коллеги тайным голосованием трижды избирали ее журналистом года). Расследования и привели ее в... тюрьму. История любого преступления обычно заканчивается там, но некоторые там же и начинаются. Чтобы раскрыть их, Ева и получила мандат члена ОНК. Долгие годы она ведет правозащитную деятельность. Посетила невероятное количество тюрем (где пытаются исправить человека, совершившего подчас самое страшное). Наверное, Ева – единственный журналист в России, которая побывала во всех колониях пожизненного заключения.

И все же почему она взялась за эту тему? Может быть, потому что считает ее главной нравственной проблемой. Почему вдруг из человека появляется чудовище, которое уничтожает других людей ради наживы, удовольствия или славы? Чудовище, готовое разрушить все и вся вокруг. Некоторые выходят из этого состояния, а кто-то – никогда. И это боль нашего общества.

Ева умеет видеть человеческую душу, по мимике и инстанциям разгадывать собеседника. Вот это и есть основа ее творческой деятельности. Она заходит в тюрьмы, она ощущает сама и передает нам всю ту боль, что там есть. Искренне и честно. Спасибо, Ева, что ты этим занимаешься. Ты замечательный журналист и потрясающий писатель. Когда-то талантливый Сергей Довлатов (в годы СССР был запрещен, но потом его произведения вошли в сотню книг, которую Министерство образования России рекомендует для самостоятельного чтения) подарил нам «Записки надзирателя», а Ева публикует по сути «записки журналиста и члена ОНК».

Павел Гусев,

главный редактор «МК»,

Председатель Союза журналистов Москвы,

член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

Ева Михайловна Меркачёва – человек и явление вполне себе уникальное. Мягкая по внешнему рисунку поведения и при этом очень твёрдая, трезвая, проницательная и, прошу

прощения, поскольку речь идёт о молодой очаровательной женщине, опытная в том, что касается правозащиты. Она – правозащитник от Бога, она просто ловит кайф, помогая людям. И вот о людях, которые нуждаются в помощи, она написала книжку. И о том, как эту помощь им не оказывают те, которые должны это делать по долгу службы. Ева Меркачёва далека от политики. Но ее оценки, в том числе и политические, точны. Вот одна, которая могла бы стать эпиграфом: «...лучше уничтожить всех, от кого пахнет свободой. Именно этой логикой руководствуются преступники – чаще не те, которые сидят, а которые сами сажают в тюрьму».

Николай Сванидзе,

журналист, завкафедрой журналистики Института Массмедиа РГГУ,

член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

От автора

Эта книга – своего рода подведение итога моего многолетнего «тюремного служения».

Как журналист и как правозащитник я провела в СИЗО и колониях много времени. Всегда старалась помогать там, где могла, и честно рассказывать об увиденном людям. Своей сверхзадачей ставила привлечение внимания общества и власти к проблемам заключенных, сокращение тюремного «населения», улучшение условий содержания.

Вошедшие в эту книгу истории – те, что больше всего поразили меня саму, и те, к которым больше всего было интереса у общества.

Открываю книгу главой **«Легендарные тюрьмы»**. Для меня это «Кресты», «Владимирский централ» и «Кремлевский централ» (не считая «Лефортово», этот изолятор – отдельная история). В первых двух я была исключительно как журналист, не как правозащитник. Это важная ремарка, ибо кто-то может задать вполне логичный вопрос: почему я не пишу о последних скандалах, связанных с нарушением прав человека.

Старые «Кресты» в центре Питера закрыты. Я стала последним журналистом, который там побывал. Сотрудники и заключенные понимали, что их вот-вот ждет переезд и были довольно откровенны.

Через питерские «Кресты», насквозь пропитанные тайной и мистикой, продернулась нить истории страны. В ней сидели величайшие умы и злые гении последнего столетия (всю историю бандитского Петербурга можно было изучать по одним только «Крестам»).

Я спустилась в расстрельные подвалы, изучила уникальные архивы и побывала в камерах «знатных» сидельцев. В книге я рассказываю о захвате заложников в «Крестах» устами его главного организатора (нашла его в колонии для пожизненно осужденных Мордовии, и он дал мне большое интервью о событиях тех дней). «У тех, кто оказался в «Крестах», есть два пути: очистить свою душу через православный крест или поставить крест на своей дальнейшей судьбе.» Это слова архитектора Антония Томишко, который построил легендарную тюрьму и потом сам же в ней оказался. Его призрак встречали и даже фиксировали на видео надзиратели в коридорах древнего СИЗО...

Воспетый убитым шансонье Михаилом Кругом «Владимирский централ» – на мой взгляд, главная тюрьма страны. Почти за четверть тысячелетия своего существования она «приняла» у себя рекордное количество политиков, революционеров, ученых, философов и военных. Именно потому «Владимирский централ» считали в первую очередь тюрьмой политической. В ее стенах томились великие умы, которые определяли путь всей России. В ней же коротали дни и ночи известные шпионы (к примеру, американский летчик Пауэрс) и артисты (такие, как певица Лидия Русланова). Ни в одной другой тюрьме нет камер, которые потом бы переделали в церквушки, а их сидельцев объявили святыми! Ни одна другая не держала заключенных, чьи имена были засекречены и неизвестны даже надзирателям (они были под номерами). Помимо моего рассказа о колонии вы найдете в книге интервью со старым надзирателем, который охранял особого заключенного – Василия Сталина.

«Кремлевский централ» (где когда-то сидел Япончик, а совсем недавно содержался Алексей Навальный) – СИЗО особенное. В нем я была уже исключительно как член ОНК Москвы. За восемь лет, думаю, посетила его не менее 50 раз. Я тщательно изучила историю «Кремлевского централа» и его сидельцев, и рассказываю ее вам. В одной из публикаций, вошедшей в книгу, передаю атмосферу СИЗО через поэзию его сидельцев.

Целая глава посвящена одному из ярчайших и громких дел современной России – так называемому делу о **перестрелке на Рочдельской**. По размаху и скандальности эта история

превзошла «дело сугробовцев» (арест высокопоставленных сотрудников ГУЭБиПК). После перестрелки за решёткой оказались и криминальные авторитеты во главе с человеком, которого СМИ называли «патриархом криминального мира» Захарием Калашовым по прозвищу Шакро, и руководители силовых ведомств во главе с начальником управления СК по Москве Александром Дрымановым.

Возможно, по отдельным моим материалам (я привожу в книге лишь некоторые) станет понятно, что стоит за этой историей и как разворачивались события. Мне кажется, это дело закончилось даже не посадкой Дрыманова, а арестом Медведева (ранее известным как Шишкан, которому СМИ приписывали славу главного авторитета страны – этот пост он якобы занял после посадки Захария Калашова). В книге есть интервью Медведева, где он высказался о перестрелке на Рочдельской. Арестовали Медведева по новой статье о «ворах в законе».

Глава **«Отцы и дети»** про вечные ценности – семью, семейные отношения, в которые вторгается жестокость и, как следствие, тюрьма. Одна из частей посвящена делу сестер Хачатурян, убивших своего отца. Так получилось, что я увидела их сразу после страшного преступления, когда их доставили в ИВС. Помню, меня поразило, что они говорили: «Хуже, чем было, уже не будет». Что же такого с ними «было»? Но ни в ИВС, ни в СИЗО, где я проверяла условия содержания, я не задала ни одного вопроса про преступление. Однако я провела свое собственное журналистское расследование, опираясь на материалы, которые раздобыла. Главное из этого расследования публикую в книги. Если честно – мне его и перечитывать страшно. Эта история тоже стал личной, потому что родные убитого Михаила, требовавшие жестко наказать девочек, посчитали меня одним из главных своих врагов. Они не могли смириться, что я рассказываю свою версию, даю комментарии СМИ. Я описываю, как они объявили мне своего рода «вендетту».

Уже когда книга была готова, стало известно, что СК возбудил дело в отношении мертвого Хачатуряна по факту насильственных действий сексуального характера и истязаний, и все три сестры признаны потерпевшими.

Одна из историй этой главы – про осужденного парня, которого я нашла в колонии-поселения. Семь лет он жил на улице вместе со стаей собак и не умел по-человечески разговаривать. Когда его отловили полицейские, стая бросилась на защиту (это был настоящий бой, с ранеными с обеих сторон). В приютах Тимур научился говорить, а в колонии-поселении выучился читать и писать (сотрудники покупали ему буквари и прописи). Психологи пришли к выводу, что у него поразительно развито понимание семьи. И дали это качество не люди, а собаки. Верности и преданности, которым его научила стая, он до сих пор ищет в человеческом обществе. Его история про людей и про собак, в которых на самом деле подчас больше человеческого.

Еще один бездомный, которого я встретила за решёткой, – темнокожий парень, задержанный за драку с пьяным десантником в день ВДВ. «Дитя Олимпиады» (после Олимпийских игр 1980 года в московские роддома не раз и не два подкидывали новорожденных негритят. Плоды случайной любви с членами спортивных делегаций из стран Африки были не нужны ни беспечным мамам, ни обществу). Почти двадцать лет «шоколадный лебедь» (так его прозвали в шутку в СИЗО) вел бродячую, полную приключений жизнь на улицах Белокаменной. Про то, какой была его ежедневная борьба с холодом, голодом и мафией попрошайек, он рассказал мне.

В этой же главе я рассказываю про жестокость со стороны правоохранителей по отношению к матерям и их малышам. Силовики стали себе позволять обыски на рассвете в доме, где живут маленькие дети, а суды шли у них на поводу и арестовывали обоих родителей. Я описала один день жизни женского СИЗО № 6, в здании которого в разных местах шариковой ручкой написано «МАМА» и нарисованы сердечки. Почти у всех женщин дома дети, которым они не могут даже позвонить (следователь не дает разрешения). И это для них самая страшная пытка. Вместе с коллегами и депутатами мы разработали законопроект, который позво-

лит заключенным звонить самым близким без разрешения следователя. Я дважды говорила о нем Президенту на ежегодных встречах СПЧ (Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека). Законопроект внесен в Госдуму, и я надеюсь, будет принят. Пока же женщины-заключенные пишут открытые письма, рассказывая о «телефонной пытке» и своих душераздирающих историях (все это вы найдете в книге).

Глава **«Вип-арестанты»** про жизнь за решеткой тех, кому завидовали обыватели, к судьбе кого было приковано общественное внимание. Среди них – экс-губернатор Кировской области *Никита Белых*. Рязанскую колонию № 5, где он отбывает срок, я посетила в качестве члена Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Мы провели там встречу с осужденными, принимали от них обращения и жалобы. Но рассказываю я здесь больше о Никите Белых – на зоне он сделал «выдающуюся» карьеру: стал образцовым библиотекарем, приобщил заключенных к игре «Что? Где? Когда?» и научил корпеть над диктантами – теперь фамилию Президента они пишут без ошибок.

В Белгородской колонии, где сидели футболисты *Кокорин* и *Мамаев*, я была уже исключительно как журналист (они оба дали согласие на интервью).

Упоминаю и знаменитого актера *Михаила Ефремова*. Мне искренне жаль большого актера, и это, пожалуй, все, что скажу про него здесь.

Об экс-губернаторе *Сергее Фургале* пишу много и с удовольствием. Тысячи людей интересовались его судьбой за решеткой. Этот феномен народной любви я и пыталась понять.

Глава **«Странное дело»** – особенная. Все детективные истории, что туда вошли, на мой взгляд, весьма и весьма странные (другого слова тут и не подберешь) и во многом знаковые для современной криминальной России. Среди них дело бывшего главы издательства «Известия» Эраста Галумова. Руководитель следственной группы по его делу следователь по особо важным делам Следственного управления ФСБ Сергей Белоусов и его помощник Алексей Колобов были задержаны за вымогательство с семьи Галумова 65 миллионов рублей в биткоинах. Они недавно получили сроки. Но и сам Галумов за решеткой и рассказывает просто удивительную историю про то, как спасал «секретные списки» Президента, про британскую разведку МИ-6 и многое другое.

Дело следователя Музраева, которого считали самым близким другом главы СКР Александра Бастрыкина (арест Музраева даже расценивали именно как удар по нему) я тоже не могла обойти стороной. Главный следователь Волгоградской области, по версии следствия, якобы хотел взорвать тамошнего губернатора.

Или вот дело пожилого полковника КГБ-ФСБ Владимира Заречнева (обвинялся по экзотической статье «Обещание посредничества во взяточничестве», которую переквалифицировали на «мошенничество»). Заречнев – легенда, внедрялся в самые опасные банды и однажды даже разоблачил итальянскую мафию, за что получил награды из рук руководства СССР. О некоторых проведенных им спецоперациях сняты учебные фильмы для студентов академии ФСБ.

История Заречнева показательна – пришли времена, когда честная репутация, бывшие заслуги, ордена, друзья-однополчане ничто для системы. И дать гарантии, что в какой момент ты не окажешься на пути катка, сегодня не может никто. Сам Заречнев дает простой «рецепт»: оставаться человеком несмотря ни на что и верить, что любой срок рано или поздно заканчивается, а жизнь есть и за решеткой.

Еще одно странное дело – в конце 2020 года начальник ОМВД по Кизлярскому району Дагестана полковник Гази Исаев обвинен в причастности к терактам на станциях московского метро «Лубянка» и «Парк культуры» 29 марта 2010 года (тогда 39 человек погибли и более 100 получили ранения). Причем, по версии следствия, Исаев в числе прочего лично подвозил

одну из смертниц. Злая ирония – полковнику был заочно вынесен шариатским судом смертный приговор как раз за его многолетнюю непримиримую борьбу с террористами. Благодаря ему было уничтожено несколько сотен боевиков.

В одном ряду с серьезными расследованиями стоит мой маленький материал про пранкера, который неудачно пошутил, упав в вагоне поезда метро и симитировав приступ коронавируса. Его дело тоже показательное. Да, шутка неуместная, но еще более неудачно пошутили правоохранители, расследуя его дело больше года! Все это время он в СИЗО. Дома маленький ребенок. За неудачные шутки сажали разве что при Сталине. Но почему-то жестокости системы в случае с пранкером почти никто не удивился.

Одну из глав этой книги я посвятила смерти националиста Максима Марцинкевича по прозвищу **Тесак**. Для меня его история стала очень личной. Все последнее время за решеткой он писал мне письма или с просьбой о помощи, или рассказывая, что происходит, по его мнению, несправедливого и неправильного за решёткой. Он верил, что я могу это как-то исправить. Эта вера осталась у него со времен, когда он сидел в «Кремлёвском центральном», куда я приходила с проверкой, как член ОНК Москвы. Мы много общались в камере, он старался к каждому приходу правозащитников подготовить перечень болезненных тем, предлагал решения, сообщал, в каком СИЗО и кто сильно болеет, кого мучают и т. д. Я потом проверяла информацию, и почти всегда она подтверждалась. А его инициативы (например, как сделать перевозку заключенных гуманной) были очень разумными. Еще он был находчивым и веселым. Об одной из его шуток вы прочтаете в главе про «Кремлевский централ». Я не знаю, виновен ли Тесак в том, в чем его обвиняют. Могу только говорить по своим ощущениям после общения с ним – он далеко не убийца. Он мог повести за собой молодежь, он искренне боролся с педофилами и наркоторговцами. Но что за скелеты были у него в шкафу с начала далеких 2000-х? Для меня очевидно, что все произошедшее с ним связано со страшной «казнью дага и таджика» 2007 года, на которой он, судя по моим данным, был оператором (снимал видео, возможно, не зная, чем закончится «сюжет»). Кто и с какой целью режиссировал это зверское убийство? Точно не он. Ни фантазии, ни, что главное, жестокости у Тесака на такое не хватило бы. Это сделали другие люди, которые, как мне кажется, и стоят за его гибелью.

Накануне своей смерти он сказал по телефону адвокату: «Теперь мне никто не поможет, ни Ева Михайловна, ни сам президент». А потом его нашли мертвым. И это был как вызов всем нам. То, что случилось с Тесаком, очень похоже на казнь без суда и следствия. Как во времена инквизиции.

«Будни ОНК: хождение за три горя» – эта глава состоит из описания будней общественного контроля. По-хорошему, про все это надо было бы написать отдельную книгу, но будет ли она интересна широкой общественности? Так что рада возможностью поделиться хотя бы несколькими своими материалами. Два из них – пример того, на что способны члены ОНК, если придают публичности нарушения, которые видят.

Сколько бы мы ни писали рекомендаций в журнале ОНК СИЗО № 6 (единственный следственный изолятор для женщин в Москве) и сколько бы ни говорили руководству УФСИН, там ничего не менялось, и страшный перелимит сохранялся. Но всего лишь одна моя публикация под названием «Женский АД в СИЗО 666» полностью изменила ситуацию. Также одной публикации было достаточно, чтобы вип-камеры в «Матросске» заселили простые арестанты, а жуткие камеры в подвале закрыли.

Еще в начале своей деятельности правозащитника я много писала о женщинах в СИЗО, которые нанесли столь смехотворный ущерб, что выдавать их за опасных преступниц даже стыдно, и которым не стоило определять самую жесткую меру пресечения. Это, а также то, что я несколько раз говорила о необоснованных арестах женщин председателю Верховного суда РФ

Вячеславу Лебедеву (а он потом давал поручения провести анализ женских арестов) возымело действие – сажать женщин стали намного реже. К слову, помню, как он удивился, в первый раз услышав, что многодетная мать может оказаться в СИЗО по обвинению в «экономической статье», имея московскую прописку. А таких историй было тысяча и одна.

Разоблачение вип-камер было, без преувеличения, опасным. И тут благодарность тогдашнему директору ФСИН Геннадию Корниенко и его заместителю Валерию Максименко, которые поддержали меня в этой ситуации.

Я всегда руководствовалась «правилом трех дней». Если с момента обращения правозащитников прошло три дня и ничего не сделано, то я имею полное моральное право предавать это огласке. Разумеется, в экстренных случаях ждать три дня нельзя. Но вообще это как «Вам шашечки или ехать?» (нужно реальная помощь или шум в прессе?). Конечно, ехать. Приведу в пример одну историю. Однажды в СИЗО нашла генерала Минобороны. Он сидел в камере с уголовниками, мыл полы и драил унитаз, фактически прислуживал им. Когда мы зашли туда, криминалитет над генералом измывался, а он сам изображал улыбку: «Это хорошие люди, я благодарен им за все». Под предлогом сообщить ему информацию о его здоровье, мы его вывели в отельный кабинет. Там генерал зарыдал. Я впервые видела, как плачут генералы. Начальнику СИЗО мы поставили условие: или его немедленно переводят в безопасное место, или мы придаем историю огласке. Он перевел. И я рассказала об этой истории только спустя много времени и без упоминания ФИО. А еще этот случай с генералом пример того, зачем нужны ОНК. Посадить в пресс-хату его решили, конечно же, не сотрудники СИЗО. Их попросили это сделать оперативники и следователь всесильного ведомства, которое вело дело генерала. Отказать спецслужбе начальнику СИЗО сложно. Но когда правозащитники вмешиваются в дело, то он смело может сказать «ходакам в погонах» примерно так: «Я не могу вашего обвиняемого перевести в худшую камеру, поскольку он на контроле у ОНК». Подобных историй знаю множество. И именно из-за них долгое время члены ОНК были врагами нерадивых следователей, которые не скрупулезно собирают доказательства, а занимаются прессингом и выбивание признаний.

Два материала посвящены моему расследованию вымогательств в СИЗО № 3. Людям со слабыми нервами не стоит их читать. Я до сих пор волнуюсь за безопасность двух заключенных – студента и бывшего водолаза-спасателя, которые не побоялись рассказать мне тюремную правду и тем самым выступить против целой ОПГ. Водолаз выплатил вымогателям полмиллиона рублей, но издевательства не прекратились, и он вряд ли сможет забыть все то, через что ему пришлось пройти. Возбуждено уголовное дело, надеюсь, следствие доведет его до конца. Студента в конце 2020 года едва не изнасиловали, но денег от него так и не получили. Думаю, показания этого парня также лягут в основу нового уголовного дела против вымогателей.

В этой главе я рассказываю про первую в истории чеховской психбольницы проверку членами ОНК (недавно закон разрешил нам мониторить и психбольницы).

Про Чеховскую больницу – одну из самых крупных в Европе – до сих пор ходили страшные легенды. Рассказывали, как люди тут находятся даже не годами, а десятилетиями (что, к слову, оказалось чистой правдой). Не рассказывали только, что среди этих заключенных-пациентов есть те, кто совершил леденящие душу преступления.

Но они не чудовища, а больные. И в любом случае вправе рассчитывать на гуманное к ним отношение.

В этой же главе есть репортаж про работу ОНК в период пандемии. Вообще 2020 год был тяжёлым для заключенных. Люди перенесли страшные душевные муки. «С одной стороны, кажется, что ты абсолютно не защищен, с другой – ты осознаешь, что не можешь ничем помочь близким», – говорили они. Никогда еще права людей за решеткой так не нарушались, хотя это и была вынужденная мера в период пандемии.

Вот я и решила подвести итоги в прямом смысле слова исторического тюремного года и назвать его самые главные события и главных арестантов.

Мне бы хотелось, чтобы, прочитав эту книгу, вы больше узнали о современной тюрьме и о людях, которые там сидят, о тех, кто их туда отправил, о тех, кто их навещает с гуманной миссией, о тех, кто ждет их на воле. Эта книга о нас с вами, в какой бы роли мы не находились.

Весь авторский гонорар от книги прошу издательство направить на приобретение юридической и художественной литературы для заключенных.

Глава 1

Легендарные тюрьмы

«Питерские кресты»

Мистика и ужасы питерских «Крестов»: что таит легендарная тюрьма

Тюрьма появилась в 1868 году на месте винного городка, где в бочках хранилось вино всего Питера. Примерно через 20 лет помещения были перестроены по проекту архитектора Томишко. Название «Кресты» объясняется тем, что тюрьма представляет собой два корпуса, каждый из которых имеет вид креста. Строили ее заключенные: они сами, кирпичик по кирпичику, складывали свой новый тюремный дом.

Золотой ключ «гражданина начальника»

В «Кресты» меня ведет зам. руководителя УФСИН по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Алексей Чергин. Он ее бывший начальник (признается, что до сих пор тянет сюда).

Как театр начинается с вешалки, так тюрьма – с КПП и бюро передач. Очереди здесь сейчас вы не увидите, а когда-то она была почти километровая, и в ней часами простаивала Анна Ахматова (в «Крестах» сидел ее сын Лев Гумилев). В знаменитой поэме «Реквием» она оставила завещание: «А если когда-нибудь в этой стране воздвигнуть задумают памятник мне... то здесь, где стояла я триста часов и где для меня не открыли засов». Памятник, кстати, поставили относительно недавно – в 2006 году. Бронзовая Ахматова стоит на набережной и печально смотрит в сторону «Крестов» (а ее гипсовый вариант находится внутри СИЗО).

Кирпичные стены самой старой действующей тюрьмы в Северной столице крепки, будто возведены вчера (это потому, что в раствор добавляли куриные яйца). Протаранить их не удалось никому, а вот разобрать – да. Случилось это в 1946 году. Тогда заключенный по фамилии Волков каждый день аккуратно доставал из стены по кирпичику и клал его в парашу (она ежедневно опорожнялась).

В один прекрасный момент надзиратели увидели дыру в стене камеры. Заключенный пропал. Оказавшись на свободе, Волков первым делом отправился в баню, где по иронии судьбы парились в этот момент надзиратели. Они его узнали, дали помыться и чистенького под белы рученьки обратно в «Кресты» привели...

Итак, КПП. У посетителей отбирают паспорт и все документы и вместо них выдают жетоны: это обязательное условие прохода с 1984 года.

– Тогда состоялся самый интеллектуальный побег из «Крестов», – рассказывает Чергин. – Двое заключенных из картона и красных ниток изготовили поддельные удостоверения старших следователей ГУВД. В качестве фотографий они использовали полиграфические изображения сотрудников, вырезанные из журналов. Печати взяли из копий приговора.

Это было то время, когда численность арестантов зашкаливала, так что контроль был ослаблен. И вот они отправились на прием к врачу, переоделись в белые халаты, сшитые из белых простыней. В халатах дошли до КПП, там сбросили их и, показав через стекло самодельные удостоверения, оказались на воле. Естественно, мы рассматривали версию подкупа,

но она подтверждения не нашла. Через два дня беглецы были найдены, но вся эта история стала уроком для тюремщиков.

«У людей свои герои, у тюрьмы свои начальники» – эта присказка почему-то прижилась в «Крестах». Нынешний начальник «Крестов» Вадим Львов – человек скромный, но веселый (а для скорбного тюремного дела, как говорил Петр Первый, именно такие и нужны), – показывает галерею портретов своих предшественников.

Мало кто из них умер своей смертью.

Первый начальник (он же по совместительству вицегубернатор) Иванов, к примеру, был застрелен революционерами. Больше всех на посту продержался Владимир Смирнов и покинул его живым, но очень печальным.

– В 1991 году его пригласили в Америку для обмена опытом, – рассказывают старожилы. – Начальник местной тюрьмы его встретил, показал свое ранчо, табун лошадей, покатали на собственном вертолете. Владимир Михайлович догадывался, что в Штатах все прилично, но не до такой степени. В общем, вернулся он и сразу уволился. Как только его ни уговаривали остаться – бесполезно!

После Смирнова пришел Степан Демчук.

– Ему достались самые тяжелые времена, когда в тюрьме было по 12 тысяч заключенных, – говорит Чергин. – Вдумайтесь: 12 тысяч – это почти город! Я до сих пор не знаю, как мы все тогда справлялись. Электричества нет, еды нет (мы должны были всем хлебозаводам Питера), одежды нет.

Помню как Демчук – маленького роста, худощавый, с большими ушами – все время курил и ругался, сидя в огромном кресле. Но какое у него было шестое чувство! Вам потом расскажут об этом и сотрудники, и заключенные.

Все начальники «Крестов» занимали один и тот же кабинет на первом этаже. Там в самом углу есть потайная, едва приметная дверца. За ней – старинный сейф. Львов, который руководит «Крестами» последние три года, хитро прищуривается:

– Тайну замка этого сейфа, сделанного в 1892 году, могли знать только начальники «Крестов», никто больше. Сегодня в живых таких четверо. А ключ только у меня. Вот он. У вас есть только один способ открыть дверцу – стать начальником.

Начальник тюрьмы показывает секретный сейф

А вот чтобы открыть дверь старинного храма в «Крестах», знать секретный код и иметь «золотой ключ» с номером 1 не нужно. Этот храм строился на деньги простых питерцев и когда-то был открыт для всех желающих. Потом коммунисты сделали там себе кабинеты, закрасили фрески, сняли иконы. Лишь в 2002 году красивое помещение с огромным куполом снова было освящено. Недавно под семью слоями штукатурки обнаружили просто фантастической красоты фрески. Их судьба пока не решена.

Справка: *«Во время войны работал один режимный корпус. В тот период охраняли арестантов старики, женщины да инвалиды (400 сотрудников ушли на фронт добровольцами сразу после начала войны). В блокаду были нормы питания для заключенных такие же, как для жителей города. Умирали от голода и заключенные, и сотрудники. Трупы складировали в морге, который организовали в одном из помещений».*

Корпус № 1 на 480 камер. Я в центре большого креста и, поворачивая голову, могу видеть, что творится в каждом из четырех лучей-коридоров. Грандиозно!

– Построив тюрьму такой формы, архитектор дал возможность солнцу, вращаясь, заглянуть практически в каждую камеру, – говорит старший инспектор Наталья Ключарева. – Что в случае с питерским климатом, с его дождливой погодой, играет не последнюю роль. Вся тюрьма построена по принципу паноптикума – максимальная освещенность и открытость для наблюдения за заключенными. Вообще в России тюрем с куполами до «Крестов» не строили (строили по принципу темниц).

Именно благодаря куполу, через который льется световой поток, можно вести наблюдение через все четыре этажа. Все перекрытия между этажами были просматриваемые. Потолки носят сводчатый характер, напоминают арки. Так вот, если хотя бы одну несущую стену в здании снесут, то все остальные сложатся. Переоборудовать невозможно.

Вот через эту дверь заключенных выводят на прогулку, а вот почтовые ящики для жалоб заключенных...

Захожу в камеру. Она совсем маленькая – 8 кв. метров. Изначально предполагалось, что царская тюрьма будет одиночной, то есть один человек на одну камеру. Сейчас здесь сидят в основном по трое.

– Да это санаторий по сравнению с тем, что тут творилось раньше! – говорит один из арестантов. – Я тут был в 90-е, когда в камере было 18 человек. На три шконаря!

– Было такое, – подтверждает Чергин. – Там нормальный человек должен был ужаснуться. Но мы все в тот момент воспринимали это как должное. Заключенные не открывали двери камеры, когда им приводили очередного. Его еле удавалось впихнуть туда. Вещи уже по головам передавали. Я до сих пор вспоминаю – и аж страшно становится: как они тогда выживали?

– Мы тогда как-то посчитали, что около 1200 заключенных сидят уже по 1,5–2 года вообще за мелочь, – рассказывает бывший заместитель начальника «Крестов». – Кто украл комбикорм, кто овцу утащил... Мы приняли решение пригласить сюда всех представителей судов города и области. Я им говорю: давайте освободим вот этих; ну что мы мучаемся, их мучаем. А судьи на это: «Как арестовывали, так и будем».

Кстати, представители Фемиды тоже бывали нашими «клиентами». Попал к нам один судья, Казаков его фамилия была. Подозревался в зверском убийстве жены (я лично знал ее – хорошая женщина была). Не доказали его вины – через три года вышел. А вскоре в ДТП попал и погиб. Он очень сам по себе был нехороший, вредный. Казакова даже в суде один раз пытались взорвать: принесли гранату в зал заседаний. Тогда пострадал пристав. В этот период, кстати, численность заключенных у нас уже перевалила за 16 000.

И вот сейчас арестанты-рецидивисты вообще ни на что не жалуются, потому что помнят прошлое. С ними меньше всего проблем. Они говорят: «Нам и не снилось, что сейчас есть! Мы бы тогда и не поверили, что пройдут годы и будет так, как сейчас».

– Ну а как же удаление зубов без анестезии? Разве это не прошлый век?

– Рассказываю, как все было. Перед приездом Путина сказали, чтобы озвучили самую главную проблему. А в тот момент это были медикаменты (их не хватало катастрофически). Ну, один из наших сотрудников, Александр Житинев, и сказал президенту, что нет обезболивающих. А это потом вылилось в скандал.

Я захожу в камеру № 371. Именно в ней побывал президент Владимир Путин. Чистенько, скромненько и опять-таки тесно. Двое заключенных расположились возле стола – пьют чай.

Вообще все камеры ну совершенно идентичные. Старожилы говорят, что все, что здесь есть, не менялось чуть ли не с 1918 года. Правда, деревянные нары заменили на металлические, «срезали» третий ярус. Пару лет назад на втором и третьем этажах оборудовали душевые комнаты, и теперь в «Крестах» нет жесткой регламентации по выводу в душ (раньше ведь как было: только 15 минут, и ни минутой больше, на всю помывку).

Из досье: *«В начале XIX века в камере «Крестов» кровать крепилась к стене сразу после подъема и опускалась только на время отбоя. Днем заключенный не мог ею воспользоваться. Но в его распоряжении были стул, стол, полка. Посуда на полке должна была содержаться строго в определенном порядке: медная миска, тарелка, чайник, солонка. В противном случае его наказывали. Могли наказать и за то, что он не чистил посуду с помощью песка или кирпича».*

Камера в старых «Крестах»

Но старые стены не всегда готовы к новациям – провести вентиляцию тут почти что невозможно, а ночью температура в «Крестах» не опускается ниже 30 градусов. Начальник тюрьмы в этот период подписывает распоряжение: по четным числам открываются форточки камер с одной стороны, по нечетным – с другой (чтобы создавать движение воздуха).

– Позовите библиотекаря! Нужны книги! – кричит заключенный из камеры.

– Самым востребованным художественным произведением был и остается роман Федора Достоевского, – шепотом говорят мне сотрудники. – Вот уж поистине бытие определяет сознание.

Двое заключенных молчат – жуют хлеб. Оказалось, они беспрестанно делают это уже вторые сутки. Потом выложат его на ткань, чтобы кислород вышел. А потом уже другие из этой массы будут лепить фигурки.

– У нас разделение труда: одни жуют, другие лепят, – поясняют те, чей рот «не занят делом». – Потом фигурки разукрасим пастой из цветных ручек, и они смогут храниться года три. В этом году влажное лето, так что многие наши фигурки, терзаемые хлебными жучками, погибали.

В окно тем временем постучался голубь. Сотрудники говорят, что, возможно, он прибыл с посланием.

– Раньше для связи заключенные использовали самодельное (из газет) духовое ружье, – рассказывает инспектор Наталья Ключарева. – На один конец кладется записка, утяжеленная хлебным шариком, с другой стороны человек с сильными, здоровыми легкими. В безветренную погоду такие послания летают на расстояние 40–50 метров и попадают на набережную. Были дни, когда она вся усеивалась письменами. Бабульки за вознаграждение доставляли письма по указанным адресам (в том случае если письмо на набережной никто не ждал). Но сегодня в моде почтовые голуби.

– А у нас тут Тарзан сидит, – кричат заключенные из одной камеры.

Боец смешанных единоборств Вячеслав Дацик по кличке Тарзан, как говорится, сам тих и светел. «Кресты» наблюдают уже второе по счету его пришествие, так что сотрудники подобрали ему подходящих по характеру сокамерников.

По дороге оперативники не хвастают, но с гордостью рассказывают, как они раскрыли убийство детей (в «Крестах» оказался маньяк, и здесь он признался в тех преступлениях, о которых никто не знал) и вернули украденные картины в один из музеев («раскололи» похитителя).

Призрачная камера № 1000

В «Крестах» всегда было и есть всего 999 камер. Но рассказывают, что архитектора тюрьмы Антония Томишко поместили в камеру № 1000.

Дело было якобы так. Архитектор, докладывая императору Александру III, очевидно, волновался, потому сказал: «Ваше величество, я для вас тюрьму построил». «Не для меня, а для себя», – резко оборвал его царь и заточил в «Кресты».

– Камеру № 1000, куда его посадили, до сих пор не могут найти, – говорит Ключарева. – Это не шутка, мы тут все облазили. Если вы найдете, войдете в историю.

С Томишко связано много мистического. Мы не смогли выяснить, где он был похоронен. Есть версия, что на Никольском кладбище, но могила его там не найдена. Многие сотрудники говорят, что слышали или видели призрак архитектора. В 2008 году камеры видеонаблюдения зафиксировали, как из крыши возникло некое белое существо, поднялось вверх, потом резко вниз, снова вверх и исчезло в никуда.

В стенах «Крестов» умер зимой в тяжелейших условиях писатель Даниил Хармс. Вообще об известных арестантах, прошедших через «Кресты», можно писать отдельную книгу.

Мне дают пролистать старые желтые страницы журнала учета поступивших и выбывших заключенных. Ищу знакомые из учебников истории и литературы фамилии.

Александр Керенский. Будущий глава Временного правительства попал сюда в 1905 году. Кстати, сохранились его записи: «Я с благодарностью вспоминаю о нелепом случае, приведшем меня сюда. Четыре месяца уединения за счет государства». Он писал о том, что режим в «Крестах» очень либеральный, что двери в камерах практически не закрываются, заключенные общаются друг с другом, играют в шахматы. «И это было время отдыха и раздумий».

Владимир Набоков (отец автора «Лолиты», деятель кадетской партии). В 1906 году последний российский император Николай II разогнал депутатов Думы, а потом назначил им по три месяца тюрьмы. Депутаты оказались законопослушными, они самостоятельно – с вещичками, на извозчиках – прибыли к центральному входу тюрьмы. Среди них был Набоков, который взял с собой в «Кресты» любимую литературу и резиновую ванну, чтобы мыться. Сотрудники показывают мне фото, на которых изображен сам процесс «заезда» заключенных (удивительно, что все это сохранилось!).

Лев Троцкий. Революционер был в «Крестах» дважды. В первый раз он тут писал, читал, вел полемику с товарищами и сердился на сотрудников за то, что те отрывают его от работы – выводят на прогулку.

Второй раз Троцкий оказался здесь – но уже не в качестве заключенного – в 1917 году и написал гневную статью под названием «Позор» о том, как не соблюдались права человека в главной российской тюрьме. Численность заключенных в камерах уже зашкаливала (это было время после Февральской революции). Эх, знал бы он, как потом не соблюдались права человека в Советском Союзе, в строительстве которого он принял самое непосредственное участие. Интересно, что свой псевдоним – Троцкий – Лев Бронштейн взял от фамилии надзирателя тюрьмы, в которой сидел (но не питерской, а одесской).

Листаю дальше. Химик Федор Либеровский, известный востоковед, автор поэтического перевода Корана Теодор Шумовский, поэты Олег Григорьев, Николай Заболоцкий, Иосиф Бродский... Георгий Жженов. Не могу не остановиться на этом заключенном.

– Когда он попал в переполненную камеру, он был 18-м по счету; и ему досталось место на корточках возле параша, – рассказывает Наталья. – Идемте, я покажу, где это.

Четвертый этаж первого корпуса. Камера, почти на углу, ничем не отличается от остальных. Но Жженов поменял несколько камер, незадолго до смерти он побывал в «Крестах», пытался вспомнить их – не смог.

Впрочем, много камер сменил и другой именитый узник – будущий Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский. Он провел в «Крестах» по ложному обвинению 30 месяцев – с 1938 по 1940 год. Немногим удалось вынести то, что испытал Рокоссовский: лишился 7 зубов, сломано 3 ребра, напрочь перебиты на ногах молотком пальцы (всю жизнь после этого он вынужден был носить ортопедическую обувь). Его трижды водили на расстрел в подвалы «Крестов»!

– Но он никого не оговорил, – продолжает Наталья, которая собирала воспоминания старожилов-надзирателей по крупицам все последние годы. – Его освобождение пришлось на дождливый октябрьский вечер.

Больной, изможденный Рокоссовский посмотрел – куда сейчас один, в ночь, без всяких средств? И он попросил у дежурного разрешения остаться переночевать до утра. А вновь заступившая смена обнаружила в личном деле Рокоссовского какие-то недочеты, разбирательство затянулось до самого вечера. Снова полил дождь, но Рокоссовский второй раз искушать судьбу не стал.

Когда под Сталинградом была взята в плен группировка Паулюса, на имя Рокоссовского шли поздравительные телеграммы со всех концов страны. В их числе одна – от начальника «Крестов».

Кстати, ни перед кем Сталин не извинялся, а вот перед Рокоссовским извинился дважды: «Обидели мы вас, товарищ маршал. Крепко обидели». Сам Рокоссовский в своих мемуарах ни словом не обмолвился об этих 30 месяцах жизни. Но до конца своих дней он не расставался с маленьким черным браунингом, говорил: «Еще раз придут – живым не дам».

Андрей Туполев. Авиаконструктор попал сюда по 58-й статье, означающей, что человек «не лоялен к режиму». Сидел не в обычной камере, а в отдельном здании, где с 1939-го по 1941-й существовала шарашка (особое конструкторское бюро, тюрьма для ученых, которые трудились над проектами государственной важности).

Андрей Туполев и Георгий Жженов свои премии пожертвовали «Крестам», и на эти деньги здесь провели водопровод и канализацию.

Кровь и смерть 9-го корпуса

– Не ходите туда, этот корпус заморожен, – отговаривают меня сотрудники от исследования. – Туда никто не заходил уже ровно шесть лет. Там... там туберкулезная палочка!

Девятый корпус – это самое мрачное место в «Крестах». Изначально строился как общежитие для сотрудников Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы. Примечательно, что в свободное от службы время они могли покинуть территорию общежития лишь по личному разрешению начальника «Крестов». Так что сотрудники были такими же узниками этого тюремного замка, как и преступники. С 1988 года здесь содержались женщины. А потом его отдали для больных открытой формой туберкулеза.

Нехотя надзиратели открывают замки. Мы внутри. Здесь все разрушено, кругом валяются обломки мебели, каких-то предметов. Спускаемся в подвалы, где были следственные

кабинеты. А потом один из старожилов рассказывает про самый страшный день девятого корпуса «Крестов» – когда его захватили заключенные:

– Их было семеро. У всех – серьезные статьи и серьезные сроки, а двоим и вовсе грозил расстрел. План был такой: напасть на сотрудника, завладеть ключами от прогулочного дворика и оттуда добраться до вышки (устройство корпуса таково, что вышка венчает крышу, которая вплотную прилегает к гражданскому зданию).

Психологический расчет строился на то, что все произойдет 23 февраля. В общем, напали, ключи взяли. Но охранник сумел подать сигнал тревоги. Эти семеро взбесились, вернулись вот сюда, где вы сейчас, громя и круша все на своем пути.

В одном из кабинетов был коньяк, изъятый у адвокатов оперативниками. Заключенные его, естественно, выпивают. И без того бурлящий адреналин делает свое дело – они берут в заложники двоих: младшего инспектора (женщину) и инструктора-кинолога. Это вот тут как раз произошло.

Я представляю, как 23 февраля 1992 года обезумевшие заключенные звонили вот с этого сохранившегося телефонного аппарата и требовали деньги, оружие, транспорт в аэропорт и самолет в Швецию.

– Переговоры вел лично Демчук. Пригласили родственников заключенных, чтобы те уговорили. Попросили даже одного известного криминального авторитета (он в тот момент содержался в «Крестах») вступить в переговоры. Он согласился, кстати, сразу. Но без толку все это было.

Идемте, покажу, откуда штурм начался. Видите эту решетку на окне? С третьей попытки только удалось ее выдернуть. Потом еще долго разбивали дверь, а когда она поддалась, то инструктор-кинолог Александр был уже заколот (7 ножевых ранений).

Инспектор Валентина не пострадала: снайпер на крыше охранял подступы к ней. Но долго лечилась и через два года все-таки умерла: сердце не выдержало. Кстати, у Александра трое детей осталось, так вот, один из них сейчас в питерском СИЗО, второй – в Москве, в управлении собственной безопасности. Вдова возглавляет уголовно-исполнительную инспекцию в одном из районов Санкт-Петербурга.

Она недавно рассказывала, как один из выживших заключенных (во время штурма погибли трое, остальные получили сроки) позвонил ей. И даже вроде как пытался просить прощения. А закончил тем, что попросил денег.

Любовь Червонца

Советские годы для «Крестов» были самыми знаковыми. Кстати, в ту пору тут работала мать нынешнего главы СК Александра Бастрыкина.

– Прапорщиком была, очень ответственная женщина, – вспоминают сотрудники.

Костя Могила, тамбовские, Малышев, Кирпич. – сколько известных авторитетов прошло тогда через «Кресты».

– Я, как заместитель начальника, много с ними общался, – рассказывает Евгений Божадзе. – Серьезные люди все. Они развитые, эрудированные. Всю жизнь сидят – всю жизнь читают. Убеждения у них сильные.

Они знали, что меня ни о чем просить не надо, что это бесполезно. А так-то предлагали все: дачи, дома, машины. А сколько в рестораны приглашали! Нужно было уметь отказывать жестко. И вообще не позволять им панибратствовать. Червонца (в 1991 году в «Крестах» содержался знаменитый бандит Сергей Мадуев по прозвищу Червонец. – Прим. Автора) отучил от его замашек. Чистоплюй, честолюб, все делал на понтах.

Был случай, когда его в ресторан не пускали (мест не было), так он взял пистолет и застрелил охранника. Ходил на воле в белом костюме, в белых туфлях и рубашке. И за решеткой пытался показать, что он особенный.

Он ведь, когда в Бутырке был, нападал на начальника. Сильный, как бык, отжимался на пальцах! Но когда мы ему дали сдачи, оказалось, он боли боится панически, как ребенок!

На глазах Божадзе развивался роман Червонца со следователем по особо важным делам при Генпрокуратуре Натальей Воронцовой (он лег потом в основу известного фильма «Тюремный романс» с Александром Абдуловым в главной роли).

– Я вам расскажу, как все было на самом деле, – говорит Божадзе. – Червонец, сукин сын, добился, чтобы именно Воронцова была у него следователем. Его, бывало, выведут на допрос, а он молчит. А потом: «Ей все расскажу».

Он и раньше знал Воронцову и даже как хорошей знакомой сдал ей несколько «схронов». Он ее уболтал принести ему пистолет. Червонец действительно владел почти что гипнозом (по природе своей был к этому предрасположен – сын чеченца и кореянки, мать без конца сидела, он с детства вынужден был кусок хлеба добывать). Несколько раз мне подчиненные говорили:

«Там скандал, Воронцова плачет, в истерике». А потом она: «Ой, вы его не трогайте, не наказывайте, это я во всем виновата». А, видно, он тогда уже воздействовал на нее психологически. Она за него переживала – «вот, он такой бедненький». Я говорю: «Чего это он бедненький? Вы на его щеки посмотрите. Ест что хочет, передачи ему передают лучше, чем в ресторане».

И вот она ему наган пронесла в «Кресты» (а сотрудники прокуратуры не досматриваются). Червонец после этого три дня просился к начальнику Демчуку: «Пусть примет! Я расскажу, где все остальное награбленное закопано». А Демчук как чувствовал – не принимал. И Демчук в тот момент дал распоряжение один автомат положить на пост, где южные ворота, потому что пистолетом Макарова преступника не остановить. И если бы не этот автомат... Червонец бы с наганом ушел во время попытки побега. А так, когда он увидел, как бегут на него с автоматом, упал на колени и сдался.

Наталья Воронцова 7 лет колонии получила. Говорят, сейчас живет в Крыму и якобы не бедствует. А Червонец был осужден к смертной казни, которую потом заменили на пожизненное. В 2000 году, больной сахарным диабетом, он умер в колонии «Черный дельфин».

Божадзе, сопровождая меня по старым коридорам «Крестов», показывает то на одну камеру, то на другую, вспоминая знаменитых сидельцев.

– Это камера директора «Самтреста» – самого крупного завода в Питере. Он вместе с замом делал левые партии коньяков, за что и посадили. А тут – директор «Ленбытхима». Он сидел вместе с руководителем мясокомбината, который за докторскую колбасу срок получил. Я спросил у него про эту колбасу тогда. Он честно рассказал, как делали: тонну мяса, тонну зерна, тонну крахмала и тонну туалетной бумаги или салфеток. Он так и говорил мне! Зачем ему обманывать? Так что это все не байки. Им тяжело было сидеть – они уже при социализме чувствовали себя элитой, жили красиво.

Новая жизнь старой тюрьмы

«Кресты», «Кресты»... Сама мысль о том, что легендарной тюрьмы не будет, многих пугает. Это ведь история целого города, целой страны, целой эпохи.

– «Кресты» никто не тронет, что вы переживаете, – успокаивает начальник УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области генерал-майор внутренней службы Игорь Потапенко. – Это же памятник истории. Просто отсюда в ближайшие дни вывезут всех заключенных. Здание будет отдано под музей, под съемочную площадку (камеры сохранятся в их

первозданном виде). Часть помещений займет аппарат УФСИН, тут же будет прием граждан и много чего еще.

А заключенные переедут в новый СИЗО.

Макет новых «Крестов»

«Кресты-2» построили на окраине Санкт-Петербурга, и это, по словам экспертов, самая грандиозная тюрьма во всей современной Европе.

Стройка закончена. Меня ведут по новым «Крестам» (они тоже в форме креста, с галереями, построенными так, что из любого угла здания можно попасть в любой корпус). 164 тысячи квадратных метров, каждая камера напоминает комнату в общежитии. Впервые в истории российской тюремной системы на каждого заключенного отведено по 7 кв. метров.

Следственных кабинетов столько, что адвокаты могут не выходить отсюда хоть сутками – все равно никаких очередей не будет. В новый СИЗО, рассчитанный на 4 тысячи мест, переместят сидельцев почти из всех изоляторов Санкт-Петербурга. Футбольное поле с подогревом, огороженная территория на случай массовых волнений. Здесь будет несколько линий охраны, а подкоп совершить просто невозможно: забор уходит на три метра под землю. Грандиозно, мощно, но даже как-то страшно... Это же целый отдельно стоящий город заключенных – как он будет жить?

Оглядываюсь на «Кресты-2»: на окнах нет даже решеток, внешне СИЗО похож на жилой комплекс. И слышу голоса прохожих: «Как думаешь, а сколько в этом ЖК стоит квартира?» – «Так это же тюрьма!».

Когда-то каждый, кто прошел «Кресты», мог делать себе татуировку в форме перстня, в центре которого крест с короной. Такая татуировка гарантировала большое криминальное будущее. Какую наколку «нарисуют» те, кто оказался в «Крестах-2»? Время покажет.

Захватчик «Крестов» Перепелкин

В криминальной истории Санкт-Петербурга есть два страшных события, между которыми до сих пор не было никакой связи. Первое – штурм легендарных питерских «Крестов». 23 февраля 1992 года СИЗО захватила группа заключенных во главе с Юрием Перепелкиным, в заложниках – сотрудники. Тогда погибли четверо. Второе событие – задержание серийного убийцы (известен как «маньяк из Невского лесопарка», орудовал с 1991 по 1995 год) милиционера Павла Шувалова. Жертвами стали пятеро.

Спустя почти тридцать лет выяснилось: в то время, когда зэк Перепелкин пытался бежать из «Крестов», у ворот изолятора нес дежурство маньяк-милиционер Шувалов. Сейчас они сидят в одной (!) камере колонии для «смертников» в Мордовии и заявляют, что могут подтвердить алиби друг друга. Но по порядку.

23 февраля 1992 года до сих пор считается черным днем Санкт-Петербурга. О захвате заложников в легендарных «Крестах» быстро узнал весь город, к стенам изолятора приехали известные люди, в переговорах с зэками-бунтарями участвовали руководители Северной столицы и криминальные авторитеты. А зэки – семь человек во главе с рецидивистом Юрием Перепелкиным – требовали свободу, оружие, денег и самолет в Швейцарию. В итоге погибли четверо: трое беглецов (застрелены во время штурма) и один заложник (убит Перепелкиным).

Накануне закрытия легендарных «Крестов» я побывала там. Бродила по разрушенным коридорам девятого корпуса (где непосредственно происходил захват заложников) и представляла, как вел свой бой заключенный Перепелкин. Вот тут строил баррикады, а вот здесь удерживал заложников – младшего инспектора (женщину) и инструктора-кинолога... Нашла даже стационарный телефонный аппарат, с которого Перепелкин вел переговоры. Сопровождавший меня сотрудник Крестов рассказывал, как обезумевшие от адреналина заключенные напились коньяка, который нашли в одном из кабинетов, и как Перепелкин от отчаяния в начале штурма зарезал заложника. Самого преступника я представляла огромным, страшным, почти монстром.

И вот он – тот самый Перепелкин сидит передо мной сейчас в кабинете начальника «мордовской зоны» (колонии для пожизненно осужденных). Маленький, шуплый, почти доходяга. От этой встречи меня долго отговаривали, ссылаясь на то, что у осужденного якобы открытая форма туберкулеза.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовалась я у Перепелкина.

– Спасибо, абсолютно нормально. Я вроде как выздоровевший. Активной формы у меня нет.

– А я о вас слышала от сотрудников «Крестов», когда была там. Они помнят 23 февраля 1992 года.

– Кто-то остался там из тех, кто в то время работал?

– Евгений Божадзе, например. Он мне все рассказывал и даже показывал, когда я была недавно в старых «Крестах».

– Я и не думал. «Кресты» – место особое. В то время там очень тяжело было. Перенаселенность камер жуткая. На одно место, то есть на койку, приходилось по 3–4 человека. Спали по очереди. Чая и сигарет не было. С передачками плохо, потому что на воле тоже ничего не достать. Сложные времена. У меня приятель за 7 месяцев нахождения в «Крестах» потерял 12 кг, я его даже не узнал, когда увидел.

– Кормили тогда заключенных плохо?

– Вообще не кормили.

– Знаете, что Кресты недавно закрыли?

– Да, читал об этом. Закрыли и закрыли. Мне все равно. Той истории нашего побега 27 лет. Неужели еще кто-то ее помнит? Кому-то это разве интересно спустя столько времени?

– Конечно. Не жалеете, что задумали тот роковой побег?

– Я жалею о том, что вообще когда-то попал в тюрьму. В первый раз это было в 25 лет, уже не ребенок был, надо было тогда соображать, а все разговоры про «попал в плохую компанию» – это ерунда, и я не скажу, что это было случайно. Но что толку от этих сожалений?

А побег – это был поступок отчаянный. Я понимал, что срок мне дадут огромный. Приговора не было, но все было ясно. Не хотел всю молодость в тюрьме просидеть. Мы задумали просто побег, без крови, без насилия. И точно вам скажу – никто не хотел брать заложников.

– У вас должны быть наверняка уникальные лидерские способности, особая харизма, раз за вами пошли заключенные?

– Посмотрите на меня! Есть во мне харизма? Я думаю, что нет. Родители у меня самые простые ленинградцы. Отец токарь, мама в университете работала. А то, что я организатор, – это преувеличение. Решение о побеге было коллективным, мне просто выпало кое-какими действиями руководить. Заключенные мне доверяли, это да. Кого-то я знал еще по воле, с остальными просто приятельствовал.

– Побег почему не получился? Потому что не смогли открыть люк на смотровую вышку?

Справка: По плану Перепелкина группа беглецов должна была во время вывода на прогулку напасть на конвоира, отобрать ключи, попасть на смотровую вышку, а уже оттуда на крышу.

– Из-за ерунды не получился. Ключи сотрудник по случайности унес с собой после смены, за что ему потом вынесли, служебное несоответствие. Это все есть в материалах дела. Если бы не забрал ключи домой, они были бы у нас, и все получилось бы. Но повторюсь, это был чистый побег, никто не собирался никого захватывать.

– Правда, что заложников вы захватили благодаря гранатам, которые вы сделали из хлеба и покрасили зеленой краской?

– Почему из хлеба? Ерунда. Был только один муляж гранаты, а остальные нормальные ТМ-57. Взрывчатка у нас с собой была настоящая. Я ж в «Крестах» тогда оказался именно за огнестрельное оружие, по 218-й статье УК РСФСР («Незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ». – Авт.)

– А как же в Кресты взрывчатку пронесли?!

– Лучше скажите, что в «Кресты» тогда было нельзя пронести? Столько было случаев, когда пистолеты проносили. Помните Червонца? Первый случай его попытки побега был до меня, второй уже при мне. Один раз ему пистолет женщина-следователь пронесла, а другой – сотрудник изолятора.

Справка: Сергей Мадуев, по кличке Червонец, был самым известным советским налетчиком. Его также называли «последний бандит СССР». Первая попытка побега из «Крестов» им была совершена в марте 1991 года, пистолет ему пронесла следователь прокуратуры Наталья Воронцова (на основе истории их любви снят известный фильм «Тюремный романс» с Абдуловым и Нееловой).

– Вы с Червонцем сидели одновременно?

– Когда он вторую попытку побега предпринял – да. Мы тогда оба уже были под расстрелом.

– Правда, что вы напились, пока вели переговоры по освобождению?

– Напились? В кабинете оперативника мы нашли одну бутылку коньяка. Но разве это серьезно – на семь здоровых мужиков? Не были мы пьяными. Это все попытки выставить нас в неприглядном свете.

– А зачем вы просили, чтобы к стенам «Крестов» приехал на переговоры с вами журналист Невзоров?

– Нет, не просил я. Хотите правду? Вы же не напечатаете.

– Напечатаем.

– История не очень красивая. Невзоров приехал снимать репортаж. И он спросил у нас: двери закрыты так, что их не открыть? Я ответил: мы не можем никак открыть, болты железные вбиты и их невозможно вытащить. Он снова спрашивает: то есть вы со своей стороны дверь никак не откроете? Я опять отвечаю: это невозможно. Он в третий раз спросил. Я поразился тому, что он такой непонятливый. А после третьего ответа он обратился к своему оператору. Типа «Саш, снимай! Я предлагаю поменять заложников на меня!» То есть он потому это предложил, что точно знал – двери не открыть. История была именно такая. Готов в глаза Невзорову ее рассказать.

– Спустя столько лет сожалеете, что убили сотрудника? Читала, что вы ударили его заточкой много раз и это от злости и ненависти из-за того, что штурм начинается и побег не удался.

– Вы думаете, это я убил? Не думаю, что из-за ненависти, вместо 10 лет, которые мне светили, я хотел заработать смертную казнь. А вы не задавались вопросом: почему нигде не было фото погибшего? В материалах уголовного дела их тоже не было, на суде их не представляли. Если бы такие снимки обнародовали, то всем стало бы понятна причина смерти. Спросите у моего сокамерника Павла Шувалова, как все было. В тот день он, будучи милиционером, дежурил в 200 метрах от входа в Кресты. Те, кто штурмовал нас, рассказывали ему, как все было.

– Получается, что вы с Шуваловым в одной камере? Тогда, в роковой для вас день, были рядом, не зная друг о друге, а сейчас вообще вместе! Это же почти мистика!

– Родственные души. (Усмехается.) Вы расспросите его про тот день. Кстати, никакой он не маньяк, по-моему.

– Почему вы не пытались доказать, что не убивали сотрудника?

– Все равно никому ничего не объяснишь. Никто не услышит.

– Если бы тот побег удался, то как могла бы сложиться ваша жизнь?

– Думаю, ничего бы хорошего не случилось. У меня был, конечно, план, куда бежать, где прятаться. Но долго так, наверное, не могло бы продолжаться. Я никуда не пишу, никаких прошений. Я даже о помиловании не просил, когда четыре года под смертной казнью был. Но вот помиловали, и слава Богу. В 1999 году приехал сюда. Первые ощущения – ничего хорошего. Какие могут быть ощущения, когда ты понимаешь, что не на пять лет и не на десять, а на всю жизнь? Ровно двадцать лет я уже тут. Сказать, что легко, я бы постеснялся. Но сказать, что совсем невыносимо, тоже не могу. Живу, да и живу. У меня есть дочь – в Канаде живет. Есть внуки. Может, ради этого и стоит жить?

«Владимирский централ»

Каждый второй арестант – психопат: что происходит во «Владимирском централе»

Как хоронили коменданта Берлина

Тюрьма, застава и кладбище – три главных достопримечательности Владимира, которые к тому же появились примерно в одно и то же время и за два с половиной столетия почти сроднились. Когда-то город был настолько мал, что местные жители шутили: начинается тюрьмой, а заканчивается кладбищем. Для тех, кто не знает, поясню всю иронию – они примыкают друг к другу вплотную.

Так что зайти во «Владимирский централ» мы решили со стороны старинного Князь-Владимирского кладбища. И встретили нас не строгие надзиратели, гремящие железными ключами, а вереница могил (в одной из них похоронена мать Ворошилова), часть которых без крестов и надгробий.

Кто, думаете, их выкапывал? Кто убирал некрополь? Арестанты! Когда же приходил их час, они находили упокоение тут же. Но между кладбищем и тюрьмой случались и, скажем так, трения. Сохранилась, к примеру, жалоба на детей тюремщиков, которые ломают кресты, бросают камнями в памятники и т. д. Другая бумага рассказывает, как без всякого согласования и учета хоронили на кладбище умерших в тюрьме арестантов. Тут же постановление: «Довести до начальника арестантских рот правила захоронения и таксу на землю».

В 1907 году революционер (будущий великий военачальник) Михаил Фрунзе, которого за нападение на полицейского при исполнении приговорили к смертной казни, разработал план побега. Из своей камеры во «Владимирском централе» он собирался по крышам пробраться во двор, а оттуда через забор на кладбище. Но в вечер побега надзиратель (он должен был подать знак, когда надо бежать) струсил. Фрунзе тогда не расстреляли – иначе бы на кладбище он попал, скажем так, традиционным путем.

– Участок для арестантских захоронений был выделен вот тут, прямо у стены, которая разделяет кладбище и тюрьму, – говорит действующий сотрудник «Владимирского централа» Игорь Закурдаев. – Никто вам не скажет, сколько тут тел. Сотни, может, тысячи. На могилы и надгробия не смотрите – их установили совсем недавно в память об узниках. А так-то все тут вперемешку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.